

Рождество моей бабушки.

Бабушка моя Татьяна Николаевна Ткачева родилась в Санкт-Петербурге на Васильевском острове, в 5 линии (так тогда говорили). Когда ей не было ещё трех лет, прадеда моего полковника Николая Ткачева отправили служить в Киев. Служил он верой и правдой царю и Отечеству, умер в 1915 году от раны, полученной в бою.

Прабабушка моя Елизавета Лазаревна по приглашению своей золовки приехала навестить её зимой 1916 года в Петербург. Она взяла с собой мою бабушку, которой было 7 лет, и её старшего брата Женю, гимназиста. Остановились в квартире своей родственницы (бабушка называла её тётя Лиля, ну, и мы станем её так называть) в доме №46 на Большом проспекте. Тогда это был совсем новый, очень красивый дом, построенный архитектором В. В. Шаубом в 1906 году. Квартира была на втором этаже окнами на проспект, засыпанный белым снегом. В окно можно было увидеть мчащиеся санки, заснеженные деревья, а вечером загадочно светили фонари, и было тихо, совсем не так, как сейчас

Где-то гроыхала Первая Мировая война, но маленькая Таня, да и её брат, мало об этом думали. Приближалось Рождество – самый детский праздник. Всей семьей ездили на Андреевский рынок выбирать ёлку. На Большом проспекте вырос целый еловый лес и кузен Жоржик, которому недавно исполнилось 4 года, умудрился заблудиться. Ель выбрали на славу – больше 3 м в высоту, благо потолки позволяли. Она стояла в прихожей, укутанная в серую мешковину, и дети бегали, несмотря на запрет, колупать смолу и нюхать ветки (и оторвать парочку для кукольной елки). На том же Андреевском рынке был пополнен запас игрушек (естественная убыль оных происходила в результате разбития, в коем принимали участие как дети так и кот Карабас, большой любитель прекрасного). В игрушечной лавке чего только не было, но особенно очаровал бабушку пряничный домик из настоящих пряников, покрытых снегом из сахарной глазури, с леденцовыми окнами и шоколадным крылечком. Рядом стояла марципановая елка, украшенная разноцветными цукатами. Вообще-то детей тогда не баловали, но это чудо было вымолено у родителей усилиями всей детворы в количестве пяти человек. Очень удачно выступила кузина Сонечка, заявившая, что Таня и Женя - сиротки и их надо же порадовать. Ах, дети, дети!

Но самое интересное происходило дома. Доставались большие коробки с цветной, золотой и серебряной бумагой, тонким картоном, заваривался клей, приготавливались ножницы, кисточки, ленточки и нитки, выносились глиняные миски с орехами и яблоками, и начиналось Действо! Вот именно так, с большой буквы! Все дети садилась в столовой вокруг большого стола под лампой. И какие только чудеса не появлялись на свет при помощи умелых (и не очень) рук под чутким руководством гувернантки! Коробочки и избушки, зайцы и коровы, корзинки и балеринки, цепочки, фонарики, грибы. Все это цветное, блестящее, иногда неуклюжее, но сделанное своими руками и от этого бесконечно драгоценное. К яблокам привязывали прочные ленточки, а орехи золотили самым настоящим сусальным золотом. Вот мандаринов тогда не было, их заменяли иногда мелкие апельсины, которые вешали на нижние ветки. Но вот все готово и уложено в корзинки. Можно и погулять по вечернему острову, выйти на набережную, полюбоваться застывшей подо льдом Невой.

Вот и морозное утро сочельника. Еще темно на улицах, еще сказочно мерцают в морозной дымке фонари, а сани уже мчатся Андреевскому собору, который встречает молящихся светом и теплом. Вечером снова едут в храм, на этот раз Успенское подворье Киево-Печерской Лавры. Там был прекрасный хор, его пение бабушка до старости не могла забыть. Рождественские песнопения улетали вверх к самому куполу, таинственно сияли свечи и лампы, благоухал ладан. А дома - праздничный стол из постных, но необыкновенно вкусных блюд. На покрытом белой скатертью столе были пироги и пирожки с грибами, кашей, вареньем, яблоками, капустой и луком, орехи, изюм, чернослив, пастила не менее, чем пяти сортов и знаменитое киевское варенье. Грибы соленые и маринованные, хлеб, хлебцы, булки, калачи, бублики и баранки. Хлеб и прочее хлебное покупались в булочной Максимова на 6 линии. А еще были яблоки, апельсины, зимние груши, печенье, мармелад, ванильные и маковые сухарики. И много квасу – хлебного, вишневого, грушевого, малинового. В общем – детский рай! В постель в этот день ложились рано и без писка, иначе завтра не возьмут к обедне, а пропустить Рождественскую обедню не хотел даже маленький Жоржик.

И снова бег санок по Большому, и снова из темноты вырастает громада Андреевского собора, колокольный звон рассыпается с колокольни и зовет в храм весь Васильевский остров. Андреевскому собору вторит Благовещенский храм, отзывается с Кадетской линии Екатерининский, с Николаевской набережной подпевает Успенский, из Галерной Гавани бьют

колокола Троицкой и «Милующей» и издалека, с кладбища, благовестит Смоленская церковь. Плывет над островом серебряный звон, встает солнце, в соборе слаженно поет хор: «Рождество Твое, Христе Боже наш, воссия миру свет разума...». Это было последнее Рождество Российской империи, но маленькая Таня и её родные об этом не знали и мирно радовались празднику. Дома детей раздели и отправили в детскую греться... а потом!

Распахнулись двери гостиной, и перед ними предстала госпожа Ёлка! Все в золоте и мишуре, в игрушках и золотых огнях, на ней висели золоченые пряники и орехи, игрушки и яблоки, горели самые настоящие, а не электрические свечи, висели разноцветные флажки и бусы из стекла. Вокруг елки стояли небольшие столики с надписями – Таня, Женя, Соня, Жоржик, Андрюша, каждому из детей по столику. На них лежали подарки. Бабушка рассказывала, как хотелось подбежать и все, все рассмотреть. Но благовоспитанным детям это не подобает. Следовало чинно подойти, все аккуратно (аккуратно, вы слышите, дети!) распаковать, рассмотреть и поблагодарить старших. Бабушка получила: кукольный театр, большую куклу, которую в честь кухни называли Софи, плюшевого зайца с барабаном, кукольный сервиз (он пережил революции и блокаду, остатки разбила я), ещё платье с воланами (в гражданскую его удачно сменяли на пшено), мячик. Брат, в качестве уже гимназиста и образованного человека, несколько книг, прибор для письма, футбольный мяч. Дети дарили скромные самодельные подарки друг другу, родным и прислуге (которая, естественно не была обделена подарками от господ). Бабушка вышила для своей мамы платочек, а Женя нарисовал картинку на патриотическую тему.

Вечером пришли гости – и тоже получили подарки. Все плясали вокруг елочки, пели колядки, читали стихи «Вечер был, сверкали звезды, на дворе мороз трещал, шел по улице малютка, посинел и весь дрожал». Не плачьте, все хорошо кончилось. Был приглашен кукольник-петрушечник, и отважный Петрушка всех победил, в том числе и немца-супостата. Вы не забыли, что шла война? Впрочем, все были уверены, что она вот-вот кончится и, разумеется, мы победим. А еще был «Волшебный котел». В большой, одолженный у кухарки Фроси и чисто вымытый чугунный котел сыпали пшено и в нем топили шоколадки, орехи, мелкие игрушки, пряники, всякую бесполезную, но забавную мелочь, что так дорога детскому сердцу. Потом в пшено запускались трепетные ручонки...и кому что вынется. А скоро это пшено будут покупать или выменивать стаканами. Воистину,

«ходит птичка весело по тропинке бедствий, не предвидя от сего никаких последствий».

На второй день после Рождества пришли христославы. Был такой обычай – ходить по домам и славить Христа, петь колядки (ну, помните, у Гоголя). Бабушка рассказывала, что к ним пришли городовые, сразу четверо, и так громко спели тропарь Рождеству, что погасла лампадка, чем они были немало сконфужены. Впрочем, ободренные гостеприимной хозяйкой и особенно восхищенной детворой, исполнили на бис «Рождество Христово, ангел пролетел» и «Днесь Христос родился», после чего получили заслуженное вознаграждение – каждому рюмка анисовой водки, знатный кусок пирога с капустой и по полтине денег. Неплохая и честно заработанная прибавка к зарплате (квартира в доме, кстати, не одна, да и дом в их околотке не один).

Все хорошее когда-нибудь кончается, кончились и веселые святки на Васильевском острове - катание в санях, детские праздники, театр и цирк, снежки, посещение музеев. Настали будни, и семья Ткачевых уехала в Киев. А потом прокатилось по России огненное колесо революции и на Васильевский остров бабушка вернется только в 1921 году.

Смелова Е. В.